

музея к открытию, что до сих пор также оставалось за рамками внимания специалистов.

Библиография

Городинская Р.Б. Мемориальные вещи Ломоносова в музеях и архивах СССР // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1965.

Борзаковский В.П., Каплан-Ингель Р.И. Макет химической лаборатории М.В. Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951.

Ченакал В.Л. Катоптрико-диоптрический зажигательный инструмент Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951.

Е. М. Лупанова

Идеи просвещения и воспитания посетителей Кунсткамеры в сочинении И. Ф. Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной»

Сочинение И.Ф. Бакмейстера «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской Академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной» является ценнейшим источником по истории Кунсткамеры, формирования коллекций и первых десятилетий ее существования.

Книга впервые была издана в 1776 г. на французском языке, а в 1779 г. был выпущен русский перевод, выполненный В. Костыговым [Бакмейстер 1779]. Своим трудом И.Ф. Бакмейстер положил основу описанию коллекций, предложил собственную систематизацию, публикация дала толчок дальнейшему изучению собрания. На труд И.Ф. Бакмейстера опираются практически все без исключения исследователи истории петровских коллекций и Кунсткамеры XVIII в. [Алексеева, Левшин 2000; Итс 1993; Руденко 1962; Станюкович 1953 и др.] Однако следует помнить, что в свое время автор создавал работу в первую очередь для современников и преследовал просветительские и воспитательные цели. Он стремился рассказать о Кунсткамере, ее коллекциях, подготовить читателя к посещению музея. Это был первый опыт составления путеводителя по музею. И для XVIII в. его значение было огромным. Не случайно за составление «Опыта о начале и нынешнем состоянии...» библиотечарь был удостоен золотой медали Академии наук. В кратком сообщении я постараюсь выделить те просветительские и воспитательные цели, которые ставил перед собой И.Ф. Бакмейстер при написании книги, и те ценности, на которые он стремился ориентировать посетителей Кунсткамеры.

Эстетические ценности И.Ф. Бакмейстера при описании Кунсткамеры имеют своеобразный оттенок. Эпитеты «изящный», «прекрасный», «великолепный» используются им при описании произведений искусств, убранства

интерьеров, монет. Вместе с тем они же появляются при описании ящериц и насекомых, минералов и анатомических препаратов. Гадливость же у автора вызывают только жабы, пауки и экспонаты тератологической коллекции. В целом осмотр музея должен доставлять удовольствие и радость посетителю, вызывать чувство гордости за отечество: «Какое веселие сравниться может с ощущаемым при рассмотрении прекрасного кабинета редкостей? Что более может привести нас в приятнейшее восхищение? Ежели науки способствуют благополучию народов и если всенародные памятники увеличивают славу государств, то знание природы и хранилища едиковинок еще более тому способствуют» [Бакмейстер 1779: 107–108].

Тема гордости за Россию, богатства и уникальности собраний первого в стране музея звучит лейтмотивом в сочинении И.Ф. Бакмейстера, постоянно подчеркивающего, «что в нашем хранилище находится не только все то, что в иностранных кунсткамерах считается редчайшими и ценнейшими экспонатами, но и такие вещи, каких больше нет нигде» [Там же: 141].

Патриотические чувства посетителя, по мысли автора, должны также возбуждать вещи из кабинета Петра Великого — шпага и седло, простреленные во время Полтавской битвы, и предметы одежды, которые, «невзирая на простоту их, показывают истинного героя, вызывают у зрителя удивление и заслуживают внимания потомства» [Там же: 121].

На протяжении всего текста автор обращает особое внимание на то, что собрания Кунсткамеры — результат большого труда многих людей. Приводимые им примеры упорной, длительной работы явно носят характер наставления. «Удивляемся не столько искусству художника, сколько неутомимой деятельности монарха, который среди несчетных трудов своих умел улучать время на упражнения, требующие не меньше прилежания, чем искусство в делах государственных», — пишет он об увлечении Петра I **токарным ремеслом**. [Бакмейстер 1779: 122] «Не щадил ни времени, ни трудов, ни денег...», — призывает он удивиться упорству Ф. Рюйша [Там же: 151].

Центральное понятие в системе дворянского менталитета второй половины XVIII в. — **представления о чести**. Как правило, они связывались с воинской службой, верностью царю, отечеству, роду войск, с личной отвагой, физической силой [Коллманн 2001; Логман 1994; Марасинова 1999; Муравьева 2001; Черная 1991; Hatch 1989]. И. Бакмейстер несколько раз использует слово «честь» в нетипичном для своего времени контексте. Он пишет о «чести изобретения», а «Поучение...» Владимира Мономаха называет «приносящим честь просвещеннейшим векам» [Бакмейстер 1779: 7, 151]. Одно из базовых понятий дворянской культуры приобретает совершенно особые коннотации в его тексте, оказывается связанным с наукой и просвещением. Несмотря на усилия, направленные на популяризацию науки и повышения престижа ученых, приложенные во второй половине XVIII и XIX в., это значение так и не привилось, и понятие чести устарело раньше, чем успело приобрести новые смысловые оттенки.

Библиография

- Алексеева Т.И., Левшин Б.В.* Музеи Российской Академии наук: история и современность // Альманах — 1999. Музеи Российской Академии наук. М., 2000. С. 3–46.
- Бакмейстер И.Ф.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779.
- Итс Р.Ф.* Первые китайские коллекции в России // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 102–113.
- Коллманн Н.С.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
- Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999.
- Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
- Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.
- Черная Л.А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 56–84.
- Hatch E.* Theories of Social Honor // American Anthropologist. 1989. Vol. 91. P. 341–353.

П. А. Матвеева

В. В. Радлов и МАЭ: некоторые аспекты финансирования музейной деятельности

К началу 1890-х годов скудость помощи со стороны государства ощущали все академические учреждения, но музеи страдали от этого в большей степени, так как государственное финансирование не соответствовало их росту и развитию. В этот период годовой бюджет МАЭ составлял сумму в 1500 руб., из которых 750 руб. шло на содержание хранителя, а другие 750 руб. — на сохранение и пополнение музейных собраний. В начале 1891 г. специальным Высочайшим повелением музею было ассигновано ежегодное пособие в 400 руб. для закупки коллекций (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 45. Л. 2), а через пять лет было выделено 750 руб. для второго хранителя. Уже к этому времени музей заключал в себе 22 615 предметов, однако средств катастрофически не хватало. Именно в этот критический для музея момент на пост директора вступает академик В.В. Радлов (избран на эту должность 15 марта 1894 г.), с именем которого связана эпоха коренных преобразований.

Увеличение штатов. До 1898 г. Музей располагал общим бюджетом в 2650 руб. На заседании 14 января 1898 г. Историко-филологическое отделение обсуждало подробный доклад В.В. Радлова о необходимости увеличения бюджета, и для ускорения проведения ходатайства решено было ограничиться крайне скромной суммой — 8150 руб., которая все же давала возможность улучшить положение хранителей, получавших до этого времени скудное жа-